

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIINIK 748 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893 г.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Труды по русской и славянской филологии

Литературоведение

ТАРТУ 1987

Редакция: В.И. Беззубов, С.Г. Исаков, Ю.М. Лотман,
П.С. Рейман

Ответственный редактор тома Ю.М. Лотман

ГЕРОЙ А.М. РЕМИЗОВА И ЕГО ПРОТОТИП /1/

А.А. Данилевский

Существенный компонент структуры "Неуемного бубна" (в дальнейшем - НБ) - тот конкретный реально-бытовой материал, который лег в основу повествования, стал в нем объектом эстетического осмысления. Отметим: особенность НБ такова, что только с анализом этого материала сводятся воедино все компоненты структуры повести, выявляется органичность взаимосвязи между ними, выясняется общий замысел произведения и его направленность.

Согласно указаниям самого автора, прообразом города, где происходят изображенные в НБ события, послужила Кострома /2/. Это находит подтверждение в тексте. Так, в упомянутых в начале повести двух древних городских монастырях (см. с. 137, 186-188) /3/ легко опознаются костромские женский Богоявленский и знаменитый (тем, что некогда послужил убежищем для первого царя из династии Романовых) Ипатьевский монастыри. Памятник, что стоит в центре города и характеризуется в тексте как прославленный (с. 137), - это, несомненно, памятник И. Сусанину (работы Демут-Малиновского), установленный в Костроме в 1851 г. В повести нашли отражение и некоторые топографические приметы этого города.

Иное дело - реальные прототипы образа главного героя, - никаких конкретных указаний автора на этот счет нет (имеется лишь замечание Ремизова, что "Повесть писалась по рассказам Ив.А. Рязановского" /4/). Однако, как удалось выяснить, в образе Стратилатова сложно отразилась личность уроженца костромского края, некоторое время проживавшего в самой Костроме, известного писателя, публициста и философа В.В. Розанова.

С Розановым Ремизова с 1905 г. до самой смерти философа (в 1919 г.) связывали близкие дружеские отношения. Зарубежный биограф Ремизова Н.В. Резникова вспоминает, что даже в конце жизни писатель "охотно рассказывал о Розанове - любил его как мыслителя": его "двойные мысли", и как человека, чувствовал его человеческую теплоту и, говоря о том, как ему

трудно бывает общение с некоторыми людьми, вспоминал: "А уж совсем мне было легко с Розановым" /5/. В свою очередь Розанов в своем предсмертном письме (от 7.01.1919 г.) вспоминал "любимого Ремизова и его Серафиму Павловну" /6/. Своеобразным отображением истории дружбы писателя и философа явилась автобиографическая книга Ремизова "Кукка. Розановы письма" (1923). Из нее, в частности, следует, что в личной библиотеке писателя имелись все изданные книги Розанова, причем все - с его дарственными надписями /7/. В рукописной "Автобиографии 1912 г." значится, "Тут же <в 1899 г., на страницах журн. "Мир искусства". - А.Д.> я узнал <...> и <...> Розанова и записался в их постоянные любительские читатели" /8/. В другой автобиографии, в 1923 г., Ремизов писал: "Любимыми писателями, которых читал всегда, назову <...> русского философа В.В. Розанова..." /9/.

Как известно, в центре философско-публицистических интересов Розанова находились вопросы религии и пола в их взаимоотношении ("теизация" пола и "сексуализация" теизма, в результате которых соединение полов представляло как акт мистического приобщения к "трансцендентному") /10/. "Мистический пансексуализм" Розанова определял и его религиозную ориентацию - неприятие новозаветной этики с ее аскетизмом (при сохранении любви к обрядовой стороне православия и симпатий к христианству как социальному институту) и апологию Ветхого Завета, мир которого представлялся философу неким "золотым веком", как и "языческий" мир древних культур Востока /11/. Розановская "мистика пола", усиленная его "жизнетворческими" установками (практически - рядом неосторожных заявлений о себе), была встречена большинством современников весьма скептически. Не только публицисты демократического лагеря, но и символисты из круга "новопутейцев" осмыслили творчество Розанова как "декадентство", а позже, в годы реакции, сближали его с порнографической бульварной литературой.

Характер отношения Ремизова к Розанову и степень их близости освещает тот факт, что последний был одним из весьма немногих "старейших кавалеров" Обезвельволпала (шутливого общества, учрежденного Ремизовым в 1907-8 гг.) и его "великим фаллофором" /12/. Из "Кукки" известно, что одно время Розанов и Ремизов даже собирались совместно издать книгу "О любви" (замысел не осуществился), в которой намечалось "собрать и иллюстрировать всю мудрую науку, какую у нас на Руси в старые времена няньки да мамки хорошо знали, да невест пе-

ред венцом учили, ну и женихов тоже" /13/ и что таким образом, проблема пола, волновавшая Розанова, по-своему занимала и Ремизова. Как именно, — об этом позволяет судить другое воспоминание Н.В.Резниковой: "Рассказывал <Ремизов. — А.Д.>, как вечерами они сидели вдвоем, беседовали и рисовали. Розанов сердился на А.М., для которого эти рисунки < речь идет, по всей видимости, об "иллюстрациях" к "О любви". — А.Д.> были забавой, "безобразием", а для Розанова чем-то почти священным. Все же, заключал А.М., напрасно все сводить только к полу" /14/. Как увидим, эти расхождения с Розановым оказались для НБ не менее значимыми, чем сближения.

И, наконец, самое главное: из "Кукхи" же явствует, что в 1907—10 гг., т.е. и в то время, когда создавался НБ, оба писателя были близкими соседями и что как раз этот период был наиболее насыщен непосредственным общением между ними /15/.

Однако не только эти обстоятельства, но и сам текст НБ доказывает, что в образе Стратилатова нашли отражение черты внешнего облика и бытового поведения Розанова, важнейшие факты его биографии и даже основные положения его философии. Вместе с тем, эксплуатация их в повести несет на себе отпечаток сложного переосмысления, идущего в основном в двух направлениях.

С одной стороны, удельный вес данных для идентификации Стратилатова с Розановым неуклонно возрастает по мере перехода от низших составляющих образ — к высшим. Если внешний облик героя, наряду с индивидуально-розановскими чертами, наделен (и в гораздо большей мере!) еще и такими, которые облику Розанова никак не соответствуют /16/, то на уровне бытового поведения героя и его характера положение иное. Ремизов, например, не преминул передать Стратилатову даже такую характернейшую деталь повседневной розановской одежды, как его грубые "солдатские" сапоги (с. 141), — о них упоминает в своих мемуарах А. Крайний /17/. Но тут же фигурирует длинный нос героя, тогда как сам же Ремизов утверждает, что нос у Розанова "как картофель" /18/.

Пример иного порядка. Общее место в мемуарах о Розанове — упоминание о его пристрастии к табаку: А. Крайний: "Курит все время"; /19/ Н.Н. Русов: "он сосал <т.е. курил. — А.Д.> беспрестанно"; /20/ Д. Лутохин: "непрерывно куря" /21/. Сам Ремизов свидетельствует, что Розанов — "трезвенник, никогда не пил" /22/. Стратилатов же и не пьет, и не курит (с. 138).

И напротив... Поглощенность Розанова своими идеями оказала "обратное" воздействие на его характер и бытовое поведение: в мемуарах современников Розанов предстает как человек, и в быту не прекращающий разговор о волнующих его проблемах /23/, а так как проблемы эти были связаны с "предметами интимного свойства", то его высказываниям постоянно сопутствовал особый колорит. А. Крайний вспоминала: "Говорил <...> с особенной манерой, которая всему, чего бы он ни касался, придавала и н т и м н о с т ь. Делала каким-то ... шепотным. С "вопросами" он фамильярничал, рассказывал о них "своими словами" (уж подлинно "своими, <...> точными, и потому не особенно привычными. Так же, как писал)" /24/. Именно эта сторона личности является определяющей и у Стратилатова /25/. Более того, - Ремизов сумел точно отразить в повести даже отношение к построениям Розанова со стороны "левой" общественности. Д. Философов писал в 1906 г.: "'Левые", эти истые аллопаты, энергичные хирурги, <...> подозревают его <Розанова. - А.Д.> в ... эротоманстве" /26/. А вот что говорит в повести о герое революционер Дыков: "'Грязный человек!" - так отзывался, не иначе секретарь о Стратилатове, имея в виду <...> падкость <...> на предмет исключительный" (I45). Верно отражено в повести и пристрастие Розанова к обрядовой стороне православия, /27/ столь противоречиво сочетавшееся у него с антихристианством.

С другой стороны, отображение в повести личности и философии Розанова неизменно строится по принципу их всевозможного игрового снижения, - зачастую с возникающим в результате этого комическим эффектом.

Так, продолжая идентификацию внешнего облика Стратилатова и Розанова, отметим, в дополнение к уже упомянутым сапогам, еще две детали. Первая: как и Розанов, герой носит очки. Вторая - часто упоминающиеся в тексте большие стратилатовские уши, "заостренные кверху" (I46). Они также "позаимствованы" автором из внешности философа, - чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на портрет Розанова кисти Бакста (хран. в Третьяковской гал.). Вместе с тем сообщается, что очки у героя темные и что носит он их больше для виду; что на сапоги напяливает калоши, между тем как сапоги эти - "рантовые, солдатские, из толстой гдубой илии, <...> и одни <...> без всяких калош прекрасно срединные пространство" (I4I). Что же касается ушей героя, то они со временем приобретают поистине гиперболические размеры (см.,

напр., 139), придавая ему тем самым сходство одновременно и с одним из образов славянской демонологии, и с козлом /28/, чем еще раз подчеркивается первобытный организм характера героя.

В тексте упоминается страсть Стратилатова к нумизматике (с. 154). В этой связи приведем такое указание Э. Голлербаха: "Розанов был <...> усердным вдохновенным коллекционером. Главной страстью его была нумизматика" /29/. Об этом увлечении упоминают также Д. Лутохин, Н. Русов, В. Цяст /30/ и, наконец, сам Ремизов, назвавший розановское собрание монет "чудесной коллекцией" /31/. Другая страсть героя - старые книги, предпочтительно XVIII в. А вот что вспоминает о Розанове Э. Голлербах: "Другой любовью В.В. были книги. Еще студентом начал он собирать редкие старинные издания, отказывая себе иногда в самом необходимом для того чтобы купить книгу стоимостью в 2-3 рубля. <...> у него было первое издание словаря Бейля, первые издания русских классиков, много редких книг XVIII века" /32/. Д. Лутохин вспоминал, что гостиная и кабинет Розанова "завалены были книгами; много редких фотографий; какие-то особенные православные иконы <...> Читать <...> современных авторов он не любил <...> Вот другое дело - писания святых отцов, археологические изыскания" /33/. Из текста повести явствует о точно таких же пристрастиях Стратилатова (с. 149, 156). В повести получила отображение даже такая деталь убранства розановской квартиры, как древняя икона Божьей матери - Всех скорбящих радости, - упоминание о ней содержится в статье автора "Юлиана Отступника" в 1908 г. /34/.

Вместе с тем все это подается в повести таким образом, что монеты и иконы оказываются для Стратилатова прежде всего сомнительным источником дохода (с. 141-142), старинные книги отличаются особым подбором и ценятся героем в зависимости от того, трактуется ли в них "предмет исключительный", а его ученость впустую растрачивается в пошлых застольных разговорах (с. 143-144, 149). Старая икона Розанова оказывается здесь висящей по соседству с картинами, изображающими красавиц "в соблазнительной натуре", а украшение розановской коллекции - древнегреческая монета с Афиной, окруженной фаллосами /35/, превращается в талисман с неудобопроизносимой функцией (с. 154, 178).

Как видим - вновь снижение. Оно же имеет место в отражении в НБ розановских "воскресений" (в свое время не менее

известных, чем "воскресенья" Ф. Сологуба и "среды" Вяч. Иванова). Мемуаристы оставили о них немало воспоминаний: Д. Лухтокин: "... в воскресенье вечером был всегда изящно сервирован чай. На столе торты, вино, фрукты. <...> Беседы тянулись долго - часов до 2-х ночи. Прощаясь, Вас. Вас. целовал тех, кто особенно его расположил к себе в этот вечер. Иногда дарил что-нибудь на память, какую-нибудь вещь, автограф, портрет" /36/, В. Цяст: "У Розанова почти не читали своих <...> произведений; но обильно закусывали; долго засиживались за чайным столом; разговаривали, - говорил по большей части сам хозяин... Потом он вел <...> гостей в кабинет, - <...> тут было много ящиков с <...> монетами <...> Вытаскивая какую-нибудь монету <...>, - Розанов начинал объяснять особенности чеканки; по ним отскакивал к другим данным материальной культуры, - и таким образом <...> вытягивал на свет целый кусочек эпохи" /37/. А вот какой вид приобретает все это в НБ: "Стратилатов любит чаю ~~попить~~, пьет его помногу, не спеша <...> Если случится гость, он всегда рад гостю, предложит стакан, угостит, потолкует, покажет редкости и честь честью проводит до двери. Гости долго у Стратилатова не засиживались: напился чаю и ступай" (I6I). И в другом месте: "Зимареву, не в пример прочим гостям, полагалось немного посидеть и после чаю и хлеб ему подавали вкусный, настоящий ситный, а не такой, как другим, что и проглотить не хочется - настоящий кирпич, и всякие кренделя и витушки и варенье ставилось не заплесневелое, а то у Стратилатова варенья большой запас: которое ~~заплесневевает~~, снимет плесень и расходует на угощение" (I68).

Игровое переосмысление - и, опять-таки, со снижением - коснулось и читательских пристрастий Розанова. Э. Голмарбах пишет о них: "Розанов <...> считал Достоевского гениальным и самым нужным писателем. <...> Розанов же относился к великому писателю <Л. Толстому. - А.Д.> двойственно: в "Уединенном" и "Опавших листьях" мы встречаем немало отрицательных отзывов о Толстом. Наряду с этим он восхищался искренностью и нравственным величием Толстого. <...> Сближает Толстого с Розановым общая антипатия к Некрасову и любовь к Лескову" /38/. Известно также, что Розанов был незаурядным истолкователем творчества Гоголя и Достоевского /39/. В тексте же НБ сочинения "ненавистного ему Толстого, презираемого им Гоголя, умунепостижимого Достоевского и других подобных сочинителей" (I57) запрятаны Стратилатовым подалее в книжный шкаф

- за "Скитское покаяние", "Любовь - книжку золотую", за "Похождения Ивана Гостиного сына", "Пригожую повариху", стихотворения Нелединского-Мелецкого, <...> Некрасова и другие любимые книги" (там же).

Наиболее ярко принцип снижающего отражения личности Розанова сказался при передаче в НБ фактов биографии философа. Как известно, Розанов родился в г. Ветлуге, Костромской губ. Когда ему исполнилось 3 года, семья будущего писателя переехала в Кострому. Вскоре после этого мать его овдовела. /40/. Все это довольно точно отражено в НБ: Стратилатов родился в некоем губернском селе, трехлетним ребенком он лишается отца, а спустя некоторое время поселяется с матерью в городе, идентифицированном нами с Костромой. Далее начинается игровое переосмысление фактов. Розанов так писал о своем отце: "Не видал и поэтому совершенно никак его не чувствую и никогда о нем не думаю ("вспоминать" естественно не могу о том, чего нет "в памяти")" /41/. В свою очередь, вспоминая мать, он писал: "Темненькая, маленькая, "из дворянского рода Шишкиных" (очень гордилась)" /42/. О Стратилатове же говорится, что своего законного отца он не любил вспоминать, а если и говорил о нем, то "с какой-то горькою обидою и даже с презрением, и единственно за то, что отец - простой мужик" (148). Вместе с тем герой намекает на свое дворянское происхождение (с. 146).

Другой факт. В 1893-99 гг. Розанов служил на должности чиновника особых поручений VII класса при Государственном Контроле /43/. Чиновником служит и Стратилатов, однако, если Розанов своей службой тяготился и ничего кроме душевных страданий она ему не приносила /44/, то Стратилатов, простой переписчик, выведен усерднейшим служакой (с. 139, 142-143).

Сходным образом претворяется в НБ история супружеской жизни Розанова. Как известно, Розанов женился рано, однако с женой прожил недолго, г.ж. вскоре они расстались. Впоследствии философ нашел новую спутницу жизни, но состоял с ней в гражданском браке, - его прежняя жена развода не давала. Со слов А. Крайнего Э. Голлербах сообщает, что Розанов "с содроганием вспоминал о своих отношениях с первой женой. Она была значительно старше мужа, отличалась невыносимо сварливым характером и преследовала его совершенно безосновательной ревностью. Часто в доме происходили бурные и дикие сцены, доводившие нарвного и впечатлительного В.В. до слез" /45/. В конце концов Розанов попросту скрылся от жены /46/.

В НБ вся эта история радикальным образом переиначена. Стратилатов СТАРШЕ своей жены, из чувства безосновательной ревности именно ОН изгоняет ее из дома (с. 148-150), и это тогда, когда она представлена идеальной для брака женщиной (с. 148). Вторая жена Розанова была им буквально боготворима (см. его "Уединенное"), в НБ же она превращается в содержанку и распутницу /47/. Подтверждением таким выводам служит имеющийся именно в описании этих событий единственный в повести случай, когда Ремизов почти дословно цитирует Розанова. В тексте, в описании брачной ночи Стратилатова, значит-ся: "В день свадьбы после венца, когда разошлись гости, провел он ночь один, затворившись в гостиной, и, стоя на молитве, боролся с собов. <...> и обуздывал себя до самого утра <...> и все-таки не поборол, зато уж на следующий день в радости песни пел" (148). А вот одно из позднейших воспоминаний Ремизова: "Рассказал мне В.В. Розанов, никогда не певший, что, когда он гимназистом в двенадцать лет в первый раз вкусил от древа познания добра и зла, помнит, проснулся на утро и запел - и пел весь день" /48/.

Укажем также случаи, где обыгрывается уже сама философская тематика Розанова. Так, по словам Иванова-Разумника (в статье о Розанове "Дродивый русской литературы" - 1911 г.), "темы, возбужденные им <...>, показались массе читателей просто "неприличными", каким-то воскрешением древнего культа фаллоса. Эта простота трактовки предмета, придание ему величайшего мирового значения, разговор о нем без фиговых листьев - в наше-то время, время величайшего разврата в мещанской культуре, но разврата скрытого <...>! Постыше В. Розанов <...> рисковал всей своей репутацией" /49/. В НБ, как мы уже знаем (см. нашу первую статью о НБ, - примечание I), Стратилатов сам уподобляется фаллосу /50/. Или вспоминает, например, Д. Лутохин, близко знавший Розанова: "... интересуясь всем о поле, он уверял меня, что ни разу не был в обществе проститутки, в публичном доме, в кафешантане" /51/. У Ремизова же Стратилатов, напротив, - завсегдашней "домов беззакония" (с. 161).

Замечательно, что даже проекции Стратилатова на различных героев русской литературы (на Башмачкина, обоих гоголевских Иванов, Макара Девушкина, Голядкина, старика Карамазова, Иудушку Головлева, чеховского Беликова и Передонова, - см. предыдущую статью) строго мотивированы, т.к. санкционированы проецированием на них Розанова его современниками, а

иногда и им самим, что объяснялось особой "отлитературностью" сознания культурных людей того времени. Так, автор "Олиана Отступника" определивший Розанова - в статье 1907 г. - как "смесь Акакия Акакиевича с Великим Инквизитором" /52/, здесь же сообщал: "внешний вид, наружность всегда вредили ему.

- Во мне есть Акакий Акакиевич, - заметил однажды Розанов, стоя перед зеркалом" /53/. Розанов, как известно, некоторое время преподавал в гимназии г. Ельца. Уже само по себе это "провоцировало" проекцию его на Беликова и Передонова, но были и другие причины. Иванов-Разумник, например, писал в 1911 г. по поводу политического двурушничества Розанова (сотрудничавшего одновременно в реакционном "Новом времени" и либеральном "Русском слове"): "Ведь это же Передонов, тот самый Передонов, о котором В. Розанов сердито писал, что-де клевета, небывальщина, что-де "я сам" был учителем провинциальной гимназии, а Передонова никогда не видал ...

<...> Ах, многое знакомое нам по предыдущим <розановским. - А.Д.> строкам есть в Передонове: и истинно-русское хамство, и хитренькое себе на уме, и невежество, и бессознательное ярдство, и даже трепет перед каждым городовым. Но что было бы, если б Передонов стал заниматься публицистикой." /54/. Статья В. Соловьева "Порфирий Головлев о свободе и вере" (1894), посвященная Розанову, положила начало традиции сопоставления последнего со щедринским Иудушкой /55/. Таковую же прочную традицию имело сопоставление Розанова со стариком Карамазовым /56/. Впрочем, для проекции Розанова-Стратилатова на Федора Павловича у Ремизова имелись и другие основания. Вот что он писал в 1932 г.: "... интонацию Розанова сохранил Достоевский. Есть одно место в "Братьях Карамазовых". Живая речь Розанова. Когда сердится... Слова Федора Павловича Карамазова: "Денег он не просит, правда, а все же от меня ни шипа не получит" и т.д., кончая "вот на чем только и выезжает"" /57/.

Особенно интересен случай с проекцией Стратилатова на героя "Двойника". Как известно, первой женой Розанова была неизвестная А.П. Сулова /58/, а со слов Ремизова узнаем, что Розанов "женился для "опыта" на любовнице Достоевского" /59/. Смысл, следовательно, в том, что Розанов-Стратилатов хотел быть "двойником" автора "Двойника".

Помимо всего прочего, в ИБ отразились - в той же форме - взаимоотношения Розанова с художниками "Мира искусства" (см.

эпизод с художником Шабалдаевым, 162-164), с Д.С. Мережковским (регент Ягодов, 165-168) и П.А. Флоренским (начальник Стратилатова Зимарев, 168-169).

Все сказанное позволяет ответить на вопрос - какова цель с н и ж е н н о г о преломления личности Розанова в НБ, каковы вообще цель и направленность повести в целом. Ответы эти - а их несколько, - неоднозначны. Прежде всего, художественно преобразая личность философа, Ремизов, конечно, стремился избежать прямого сопоставления и отождествления образа Стратилатова с Розановым в восприятии читателя. Но не это главное. Имеются в НБ и элементы полемики с философом, слишком преувеличивавшим, по мнению Ремизова, значение решаемых им проблем (см. выше) и искажавшим тем самым общую картину действительности. Но и это не суть. Стратилатов - это о п о ш л е н н ы й Розанов, это "розановщина", - явление того же порядка, что и русское "шопенгауэрианство" или "ницшеанство" декадентствующих буржуа конца XIX - начала XX века, бывшее лишь модной маской - средством приобретения культурной престижности. Сниженный образ Розанова в НБ соответствует взгляду на его личность и творчество глазами мещанина, обывателя, способного, по мысли Ремизова, своим общением к сложной теме лишь дискредитировать ее, всячески опошлив и утрировав /60/. В этом отношении НБ примыкает к устойчивой литературной традиции. Если в начале и середине XIX в. в литературе изображались "серьезные" носители и последователи тех или иных философских систем, то с конца столетия предметом рассмотрения становится у с в о е н и е этих систем массовым сознанием /61/. У символистов 2-й пол. 1900-х гг. это было объединением антимещанской темы, борьбы с пошлостью и боязни профанации эзотерических учений /62/. Очевидно, что в НБ Ремизов солидаризируется с таким подходом.

Следует также указать, что имелись в русской литературе и типологически сходные прецеденты подобного ремизовскому отображения деятелей русской культуры и что рассказчик в НБ имеет своим прообразом рассказчика в "Бесах" столь значимого для Ремизова Достоевского, где, как известно, даны сниженные портреты Грановского и Тургенева.

Наконец, возникновению НБ можно дать и чисто психологическое объяснение. С одной стороны, давая в повести сниженный (прежде всего в сфере бытовых проявлений) образ Розанова, Ремизов пытался избавиться от слишком давящего на него

авторитета и личного обаяния старшего и знаменитого современника (быть же – наиболее благоприятная почва для такого рода снижений). С другой – Ремизов стремился объяснить для самого себя сложную и противоречивую личность Розанова.

В целом же работа над НБ стала интересной лабораторией для выработки тех принципов отражения русской действительности, которые Ремизов затем с успехом реализовал в "Крестовых сестрах", "Пруде" и "Пятой язве".

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Данная работа продолжает анализ повести "Неуемный бубен, начатый в нашей статье "Mutato nomine de te fabula narrabitur" (см. Уч. зап. Тарт. ун-та, вып. 735, – в печати), где рассматривался цитатный слой текста.
- ² См., напр., след.: "Сохраняю мою костромскую память <...> в моем "Стратилатове" ("Неуемный бубен)". – Ремизов Алексей. Подстриженными глазами. Книга узлов и закрут памяти. 1951, с. 155).
- ³ Все ссылки даются в тексте по изданию: Ремизов А.М. Избранное. М., 1978.
- ⁴ Ремизов А. Встречи. Петербургский буерак. 1981, с. 32.
- ⁵ Резникова Н.В. Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове. 1980, с. 107.
- ⁶ Там же.
- ⁷ См.: Ремизов Алексей. Розанова письма. – Окно, 1923, № 2, с. 190. Ниже все ссылки на "Кукуху" даются по этому изданию: Окно, с.
- ⁸ РО ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Фонд № 634, ед.хр. I, л. 10.
- ⁹ Алексей Ремизов о себе. – Россия, № 6, 1923, с. 26.
- ¹⁰ Более подробно об этом см.: Голлербах Э. В.В. Розанов. Жизнь и творчество. Пг., 1922; Кувакин В.А. Религиозная философия в России: Начало XX века. М., 1980, с. 55–74.

- II Ср.: "Розанов приходит к иудаизму, дохристианской восточной мистике, политеистическим верованиям Древнего Вавилона и Египта с их <...> фаллическими культурами" (Курвакин В.А. Религиозная философия в России..., с. 66).
- I2 См.: Окно, с. I48-I49.
- I5 Там же, с. I58.
- I4 Резникова Н.В. Огненная память..., с. I07.
- I8 См.: Окно, с. I62, I83.
- I6 В значительной мере это обусловлено тем, что образ Стратилатова строится на пересечении сразу нескольких смысловых рядов (см. нашу первую статью о НБ) и их воздействие при изображении его облика сказывается сильнее.
- I7 См.: Наши современники, 1924, сб. I, с. 279.
- I8 Окно, с. I25.
- I9 Наши современники, 1924, сб. I, с. 279.
- 20 Русов Н.Н. Золотое счастье. Роман. М., 1916, с. 52.
- 21 Лутохин Д. Воспоминания о Розанове. - Вестник литературы, 1921, № 4-5, с. 5.
- 22 Цит. по: Маркович Вадим. Приспешники царя Асыки. - Školskova gimnastika, 1968, XIV, №4, с. 183.
- 23 См., напр.: "Проблема пола (в аспекте религиозно-философском) была любимой темой разговоров Розанова" (Голлербах Э. В.В. Розанов. Жизнь и творчество. Пг., 1922, с. 86).
- 24 Наши современники, 1924, сб. I, с. 276. Ср. в "Кухе": "Обыкновенно на именинах, когда полагалось, чтобы все честь-честь, "по-семейному", подымались самые непоказанные разговоры. Начинал, конечно, сам В.В." (Окно, с. I44).
- 25 Характерная деталь: во время разглагольствований с сослуживцами "на предмет исключительный", Стратилатов постоянно "пришепetyвает от удовольствия" /I43/. "Шепотность" интимничашего Розанова - постельная деталь его образа в мемуарах А.Крайнего и А.Белого (см.: Белый Андрей. Начало века. М.-Л., ГИИЛ, 1933, с. 436).

- 26 Философов Д.В. Слова и жизнь. Спб., 1909, с. 152. Ср. у А. Крайнего: "Непривычные или грубодушные люди часто возмущались розановской "несерьезностью", сплетением пустяков с важным, и его ... как бы "гряздой". Ну, конечно! <...> разве выноσιμο вот это само: "связь Бога с полом"? Разве не "грязь" и "пол-то" весь? В крайнем случае - "неприличие", и позволительно говорить об этом лишь научным, серьезным языком, с видом профессора. Розановские "мелочи" казались игривостью и нечистоплотностью" (Наши современники, 1924, сб. I, с. 297).
- 27 См. у А. Крайнего: "... он, любя всякую плоть, обожал и плоть церкви, православие, самый его быт, все обряды и обычаи" (там же, с. 287).
- 28 "Козел" - именно такое прозвище было у Розанова в бытность его преподавателем гимназии в Ельце, - об этом Ремизов узнал от М.М. Пришвина, учившегося там (см. об этом: Окно, с. 168).
- 29 Голлербах Э. В.В. Розанов как историк искусства и коллекционер. - Среди коллекционеров, 1922, № 2, с. 38. Здесь же Голлербах сообщает: "Одно время он тратил на покупку монет все свободные деньги. С гордостью рассказывал, что у него есть какая-то монета, которой нет даже в коллекции Московского университета (заплатил 3²/2 тысячи, золотая). Особенно восхищался одной древнегреческой монетой с изображением Афины, окруженной фаллусами" (Там же).
- 30 См.: Лутохин Д. Воспоминания о Розанове ..., с. 5; Русов Н.Н. Золотое счастье..., с. 53; Пяст В. Встречи. М., 1929, с. 109.
- 31 Окно, с. 157.
- 32 Голлербах Э. В.В. Розанов как историк искусства и коллекционер..., с. 38. Ср. у Ремизова в "Кукле" (Окно, с. 128).
- 33 Лутохин Д. Воспоминания о Розанове..., с. 6.
- 34 См.: "... во время домашнего молебна, старенький, седенький батюшка Всех Скорбящих подымает Владычицу на руки, а Василий Васильевич, по древнему народному обычаю, для получения наибольшей благодати, согнувшись

почти до полу, как будто на четвереньках, пролезает под жюнов" (Не мир, но меч: К будущей критике христианства. Спб., изд. М.В.Цирожкова, 1908, с. 95-96).

- 35 Наряду с Голлербахом о ней упоминает также Русов (см.: Русов Н.Н. Золотое счастье..., с. 53).
- 36 Лутохин Д. Воспоминания о Розанове..., с. 5.
- 37 Цяст В. Встречи..., с. 109. См. также: Белый Андрей. Начало века..., с. 437-438; Венуа Александр. Мои воспоминания. В 5-ти кн. М., 1980, книги 4-я, 5-я, с.296.
- 38 Голлербах Э. В.В. Розанов. Жизнь и творчество. Пг., 1922, с. 26.
- 39 См., например, его статьи: "Как произошел тип Акакия Акакиевича?" - Русский вестник, 1894, № 3 (вошла затем в книгу Р. "Литературные очерки", - Спб., 1899); "Гоголь" - "Мир искусства", 1902, № 12; Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария. С приложением двух этюдов о Гоголе. Изд. 3-е. Спб., 1906.
- 40 См.: Голлербах Э. В.В. Розанов. Жизнь и творчество ..., с. 6.
- 41 Розанов В. Опавшие листья. Спб., 1913, с. 236.
- 42 Там же.
- 43 См. об этом: Голлербах Э. В.В. Розанов. Жизнь и творчество..., с. 20, 22.
- 44 См. след. воспоминание Ремизова в "Кукле": "В Контроле когда-то служил В.В. Не весело вспоминает: "Едешь, бывало, на конке на верху. А Вл.С.Соловьев в коляске катит. Нет, вы этого никогда не поймете, никогда, никогда!" (Окно, с. 143), Ср.: Голлербах Э. В.В. Розанов. Жизнь и творчество..., с. 22.
- 45 Там же, с. 15. Ср. с воспоминаниями самого А. Крайнего (Наши современники..., с. 291-293) и Ремизова (см.: Морковин Вадим. Приспешники царя Асыки..., с. 182).
- 46 См. об этом в воспоминаниях А. Крайнего (Там же, с. 293).
- 47 Ср. след. эпизод в тексте: "(Стратилатов) уши затыкал, когда говорили о жене его <...> А когда <...> писарь Корявка прошелся <...> насчет неудавшихся браков вообще, и хоть имена умолчал, но очень уж проз-

- рачно, Иван Семенович схватил чернильницу и пустил ее в Корявку <...> Значит, и через тридцать лет все еще кипело и мучило" (150), - с таким замечанием Лутохина о Розанове: "Интимного для него не существовало <...> А вот когда я коснулся в беседе с ним его <...> отношения к первой жене и т.п. - о, как разобиделся на меня В.В. Какие слова злобно изрыгнул!" (Лутохин Д. Воспоминания о Розанове..., с.6). Ср. у Ремизова, "... у Розанова в доме не принято было говорить о Сусловой <первой жене Розанова. - А.Д.>. Ведь это горе было В.В." (Цит. по: Морковин Вадим. Приспешники царя Асыки..., с.182).
- 48 Ремизов А. Крашенные рыла. Театр и книга. В., 1922, с. 36.
- 49 Иванов-Разумник. Творчество и критика. Статьи критические. 1908-1922. Пг., 1922, с. 159.
- 50 Ср., однако, отрывки, в которых происходит непосредственная трансфигурация Стратилатова в фаллос (с. 140, 144, 192-193), с таким воспоминанием Ремизова: "У Розанова было что-то такое, как это назвать? Над головой бурный ли приток мыслей, бурно движущийся? И когда он <...> говорил, <...> точно текло что-то ото лба <...> и он как-то краснел весь" (Окно, с. 188). Ср. также у А. Белого (Белый Андрей. Начало века..., с. 437).
- 51 Лутохин Д. Воспоминания о Розанове..., с. 6.
- 52 Русская мысль, 1907, № 3, с. 19.
- 53 Там же.
- 54 Иванов-Разумник. Творчество и критика. Статьи критические..., с. 149-150. Ср. у самого Розанова: - "Со времени "Уединенного" окончательно утвердилось в печати, что я - Передонов, или - Смердигов. Меге!" (Розанов В. Опавшие листья..., с. 359).
- 55 См.: Соловьев Вл. Собр. соч. 2-е изд. Спб., 1914, т.6. Ср. у Иванова-Разумника: "... действительно, много черточек салтыковского Иудуки было и осталось в В.Розанове: елейные словечки, злоба, уменьшительные имена, бродивость, притворщицкивание, умышленность" (Иванов-Разумник. Творчество и критика. Статьи критические..., с. 154).

- 56 См., напр., у А. Закржевского: "Вот философ, который весь вышел из Карамазовщины, из адского кипения жизни, из неостравленного колодца таких глубин, о которых нам <...> и не снилось еще!... Несомненно, он от Федора Павловича, плоть от плоти, кость от костей его..." (Закржевский А. "Карамазовщина". Психологические параллели. Киев, 1912, с. 73).
- 57 Цит. по: Морковин Вадим. Приспешники царя Асмы..., с. 183.
- 58 См.: Суслова А. П. Годы близости с Достоевским. Вступ. статья А. С. Долинина. М., 1928.
- 59 Цит. по: Морковин Вадим. Приспешники царя Асмы..., с. 182.
- 60 В этом смысле наличие в НБ отсылок к произведениям разработывавшим тему мещанского, обывательского существования, тоже не случайно, а мотивировано общим замыслом повести.
- 61 Применительно к творчеству Чехова см. об этом: Слафтимов А. Нравственные искания русских писателей: Статьи и исследования о русских классиках. М., 1972, с. 387.
- 62 См. об этом, напр.: Блок А. Собр. соч.: В 8-ми т. М.-Л., 1962, т. 5, с. 233-236.